

Санжа Балыков. (Прага).

Рассказ калмычки.

... Народу в нашей станице мерло тогда, зимою 19 года, почему зря. Только что я начала поправляться от брюшного, приехал муж из Зюнгарского и слег возвратным. Чтобы пользоваться доктором, я привезла мужа в Великокняжескую, наняла квартиру и начала его выхаживать. Доктор лечил за одно и меня.

Лечение шло хорошо. Думала — муж скоро встанет, облыготится на месяц и мы поедем домой. Всего полгода, как были женаты... И полного месяца вместе еще не жили.

Прошел февраль. Однажды ночью раздается в наше окно сильный стук и незнакомый голос кричит: „Есаул Шарманжинов! доктор Рассказов передал, чтобы вы сей-час же ехали на станцию и садились в поезд; к утру станица будет занята большевиками; все уходят!“ Прокричал он это и исчез. Я так и обомлела. На дворе ночь — хоть глаз выколи, на улице невылазная грязь и ни души знакомой в станице.

Кинулась будить мужа, а у него как раз — приступ. Температура больше 39. Совсем равнодушно отнесся к известию; махнул рукой и отвернулся к стенке. Что делать?.. Разбудила квартирную хозяйку (хорошая была женщина), дала ей 100 рублей и попросила поскорее найти подводу — довести нас до станции. „Сколько хотите платите, остальное вам“.

Не прошло и полчаса, как она пригнала дрогала. Я одела мужа, наспех завернула наш багаж, наложила на дроги, сели и поехали. А на станции уже народу!.. у вагонов драка, крики... Один за одним ушли два состава, полные людей, а народу как-будто и не убавилось. До утра проторчали на перроне. К утру удалось попасть в вагон. „Ну, Слава Богу, думаю, наконец поедем“. Сидим час, другой, а поезд наш все стоит и стоит. Уже стало светать. Смотрю, в вагоне народу стало меньше. Начала беспокоиться. Вдруг вижу и слышу: скачет казак мимо состава и кричит: „Спасайся, кто может! Поезд не пойдет, красные отрезали!.. Господа офицеры, снимайте погоны и кокарды!“.. Вот тебе на!.. Кругом заохали, засуетились и бросились вон из вагонов.

Высадила и я мужа, все вещи бросила, взяла только саквояж с моими ценностями. Поташились по грязи назад, в станицу. Зачем, куда — не знала. Муж едва волочит ноги, шатается, я тоже была еще слаба, но ташу мужа под руки. Вдруг слышу из за забора: „Куначка, погон-то с мужа сыми!“ Глядь, а у мужа еще погоны на плечах... Забыла в суматохе снять. Живо оторвала их и втоптала в грязь. Не прошли дальше и два десятка шагов, вижу — скачет всадник и прямо к нам. Смотрю — на шапке красная звезда. „Вот и смерть“, — подумала я.

— Стой! Давай деньги! — заорал он и направил прямо в грудь мужа винтовку.

— На-те, на-те, тут есть, — сказала я и протянула ему саквояжик.

Он взял его с коня и поскакал дальше. Так все ценности и погибли. Было там: кольцо с бриллиантом, что сестра Джиджмя подарила, когда я замуж выходила, сережки такие-же, еще кораловые, три золотых кольца, две пары золотых браслетов, десяток старинных золотых монет, часы золотые. Но в тот момент я и не подумала их жалеть, только теперь часто думаю: „А что если бы не отдала, убил бы он меня, или нет?“

Пошли мы дальше. Нагоняет нас возилка с будкой и быков ведет моих лет калмычка. Я к ней: „Сестрица, позвольте положить больного мужа на возилку и вместе будем отступать“. Она, не говоря слова, остановила подводу и помогла посадить моего мужа в будку. Там было двое детей 3—5 лет. Стало немного легче, не так страшно. Вдруг видим скачут к нам двое верховых.

— И куда вас черти носят, езжайте на соборную площадь, там вам покажут, как за казаками бегать! — закричали они. Бить еще не били, но по русски здорово ругали.

Цобе, цобе! — загалдели мы, две бабы, на быков, сворачивая их в сторону собора.

— Стой! Ты, скидывай сапоги! — приказал мне один.

Я села прямо в грязь, стянула мои новенькие сапожки и отдала. Они взяли и поехали дальше. Я осталась босиком, а грязь по колено и холод. От'ехав немножко, калмычка полезла в будку и вытащила мне мужские валенки. Я обтерла ноги и надела.

Проехали квартала два, вдруг — трах! ось одного колеса пополам. Мы и стали, не зная, что дальше делать. Хозяйка подводы стала почему-то ту же затягивать кушак и сосредоточенно наворачивать кнут на кнутовище. Я полезла к мужу, чтобы вытянуть его оттуда, а он там мечется по будке на четвереньках, раскидывает чужие вещи и что-то ищет.

— Что ты ищешь, Бадьма?

— Револьвер мой, я не сдамся живым!..

— Тут я невольно захохотала. Верно, видно, говорят, что „смех от человека только со смертью его отходит“. Это он, в чужой возилке, свой револьвер искал, который дома был оставлен.

Вытащила я его из будки, глядь, а хозяйки уже нет. Исчезла куда-то, а дети остались на возилке. До сих пор не знаю, чьи это были дети, ее или чужие. Взяла я мужа под руки и повела куда-то, а дети плачут, я им кричу, что мужа отведу, а потом приду. Шли, шли и вышли почти на край станицы. Идти дальше некуда. Зашли в первый же двор и постучались в хату. Вышел старик. Я к нему:

— Дедушка, укрой нас, спаси!..

Он постоял перед нами, поглядел на нас и говорит:

— Трое сыновей моих в большевиках, с вашими воюют... да жалко мне вас, молодые вы, идите за мной.

Повел он нас через двор и привел в маленькую пустую землянушку с большой печкой. „Лезьте — говорит — на печь и сидите там тихо, если приедут сыновья, попрошу их, чтобы спасли вас“.

Запер он дверь и ушел. Мы и залегли на печке, заслонившись сухой коровьей кожей, лежавшей тут, от света. Ждем. Губы сами собой шепчут — призывают помощь Богов. Где-то стали бухать пушки, трещать пулемет. Наконец стало вечереть. Никто к нам в замлянку за целый день не заглянул. Только перед самым вечером кто-то вошел, разомунничился, бросил винтовку на нашу кожу и тут же сел по надобности. Удивительное дело: дрожу от страха, что вот-вот нас откроет и — гибель, а когда он, вставая, шумно испустил воздух, то я едва-едва удержалась, чтобы не захохотать. Наконец, он ушел, нас так и не заметил под кожей.

Уже в потемках пришел старик, принес кусок черствого хлеба, восьмушку сала и сказал, что красные уже расположились в станице, громят, сыновей его нет, и что к нему никого не поставили. „Полежите до утра, а утром поведу вас к начальнику и заступлюсь, чтобы не стреляли вас“, — закончил он и ушел.

И потянулась длинная, темная, жуткая ночь. Выстрелы по станице не переставали всю ночь. Только к утру все стихло. Только что рассвело, пришел старик и говорит: „Красные ушли, никаких войск нет, может быть ваши придут“. Опять дал хлеба и сала. И удивительное дело: то бывало ни курятина, ни хорошее кислое молоко, ни сливочное масло, ни яйца всмятку не переваривал желудок, все капризничал, а тут твердый хлеб и сырое сало так идет, что будто „аршан“*).

Через час — два пришел старик и говорит: „Ну, вылазьте, ваши пришли“. Плохо веря, мы вышли, а в это время в'езжает во двор конный казак и так участливо спросил:

— Ну, как, остались живы, ничего вам не сделали проклятые?

Кинулась я к нему, схватила за гриву его коня и на весь двор зарыдала. Такой радости я никогда не испытывала.

Оставив мужа у нашего спасителя, подарив ему мужнину шубу, пообещав пригнать корову с телком, сама пошла посмотреть на вчерашнюю возилку. Нашла

*) Божий нектарь.

скоро. Быков уже не было. Вокруг возилки валялись разбитые сундуки, там и здесь лежали халаты калмычки, шапочка; и вдруг вскрикнула я от страха: под возилкой лежали голые, как поросята вчерашние дети с раздробленными головами и выпущенными кишками.

Бросилась я от них и побежала в сторону. Встречается женщина одна и говорит: „Иди, односумка, на соборную площадь, там ваших проклятые большевики много поубивали и еще не прибрали, может и твои кто там“. Пошла туда. Дрожу вся. Пришла на площадь: стоят без коней и быков много-много подвод, везде пораскиданы калмыцкие сундуки, всякая одежда, а между подводами, то в одиночку, то целыми группами лежат раздетые трупы убитых мужчин, женщин и детей. У од-

ного вытек мозг, у другого выпущены внутренности, везде кровь и кровь и кровь... Между ними бродят голодные собаки... Затошнило меня, залихорадило и побежала я прочь...

Вдруг слышу я какой-то голос. Повернулась и вижу: сидит у своей будки на возилке молодая калмычка, качает окровавленного мертвого ребенка, а сама, вся вымазанная в грязи, простоволосая, без шапки и блаженно улыбаясь на небо, тихонько поет калмыцкую колыбельную песенку. На меня и не посмотрела...

Начинало морозить, сверху порошило снежком, замерзающая земля начинала сковывать мертвые тела...

Долго и часто снилась мне потом эта картина и до сих пор, как вспомню, дрожь берет...

Ив. Томаревский. (Болгария).

ВЕРА.

Лишили нас всего злодеи:
Свободы, Родины, семьи,
Коня, оружия, но — все ж —
Лишить нас чести не могли.
Ушли за грани мы родные
С надеждой, верою в сердцах,
Что вновь Казачество воскреснет
В своих возлюбленных краях;
Что вновь не только возвратимся
Закинуть в Дон родимый сеть,
Но вместе с Доном — домом будем
И волю старую иметь.

С. Савицкий. (Бразилія).

* *
*

...Довго мучились в неволі,
Довго ворог панував.
І нарешті крик: Нам волі!
Нашу волю ворог вкрав!
Схаменулися орлята
І ударили, мов грім.
— Гей, тікай же враже-кате,
Не руйнуй козацький дім!
... То не вітер в полі віє —
Степом гонить будяки, —
То козацтво буревієм
Пре ворожії полки.

В. С. (Польша).

Завещание.

... Сегодня воскресенье. По литургии, я вышел на главную улицу города N, мало мне знакомого и сильно был удивлен, услышавши свою фамилию.

Оборачиваюсь и узнаю в польском военном враче старого знакомого доктора З., еще из Ростова.

— Скажите, ведь вы казак?

— Да, казак, отвечаю.

— Донской?

— Чистокровнейший.

— Вот хорошо, что вас встретил, поспешно начал доктор, — идемте в госпиталь, там умирает ваш донец и наверное будет ему приятно увидеть своего.

Майор по дороге успел мне передать подробности об умирающем. Служил он на железной дороге сцепщиком и четыре дня тому назад по неосторожности попал между буферами маневрирующего поезда, которые поломали ему грудную клетку; несчастный доживает последние минуты.

— Да! удивительные вы люди, казаки, — начал доктор, — сколько у вас силы, терпеливости и беззаветной любви к своему Дону. В госпитале все удивляются мужеству, с каким бедный переносит мучения и как он жалеет, что уже не сможет больше воевать и больше всего, что не увидит свой вольный, родимый, истерзанный Дон...

Наконец, мы вошли в госпиталь. Доктор привел меня в большую, светлую палату и остановился около последней койки.

— Вот я привел к вам вашего донца, — обратился майор к умирающему.

Приближаюсь ближе к кровати, присматриваюсь и узнаю урядника П. Боже! как он изменился. Были мы с Василием Наумычем вместе от 1915 года в 7 Донском полку. Припомнились мне 15, 16, 17-ый годы, революция, Жмеринка, Новочеркасск, Кривянка, Степной поход и везде урядник П. был со мной. Умирающий узнал меня.

— Да никак это вы, г-н есаул? — Накажит Бог,

это вы! — и по исхудалым, бледным щекам П. потекли слезы.

— Не волнуйся, голубчик Василий Наумыч, все поправится, не робей; Бог не без милости, казак не без счастья, — принялся было я беднягу утешать. Больной как будто успокоился и встревоженно начал что-то искать.

— Дайте руку, г-н есаул, — произнес он слабеющим голосом.

Взял мою руку, сильно ее сжал и уже не выпускал ее из своих горячих ладоней. Долго смотрел мне просто в глаза потухающим взором и, тяжело вздохнув, сплюсненной грудью, прошептал:

— Умирать то не страшно, да только жаль, что не увижу Дона — вольным!

Мы с майором успокаивали его: — не тужи брат, даст Господь, еще вернемся домой, увидим своих близких...

— Эх, г-н есаул, кажись я то уже не вернусь...

Лихорадочный блеск в глазах П. начал потухать, а доктор шепнул мне на ухо — скоро успокоится.

Василий Наумыч даже немного приподнялся, сильнее сдавил мою руку и, едва слышно, запекшимися губами произнес: Г-н есаул, присягните, что по моей смерти меня не забудете, — ведь я в земле, да еще чужой, буду сам. И в случае вы начнете собираться в поход и труба заиграет седловку, не забудете прийти на мою могилу и хорошенько прислушаться, может быть и я на звук призывной трубы зашевелюсь. Тогда отойдите меня и пойду я с вами на освобождение родных хуторов... Не оставьте здесь меня самого...

Я не мог удержаться и громко разрыдался, а майор поспешно выбежал из палаты.

— Присягаю тебе, дорогой Василий Наумыч, что все исполню!

П., видно, услышал мои слова, улыбнулся, лицо его успокоилось, сжатие ладоней ослабло и, глубоко вздох-